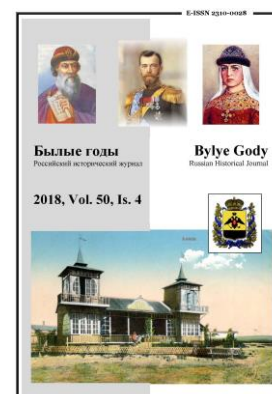

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 50. Is. 4. pp. 1632-1643. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.4.1632
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Choice of the Way to the Future: to the History of the Don and Orenburg Cossack Hosts as Polygons for Military and Economic Reforms in 1860–1870

Artyom Y. Peretyatko ^{a, b, *}

^a Southern Federal University, Russian Federation

^b East European History Society, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the problem of alternative ways of development of the Cossacks in the middle of the 19th century, which poorly understood in Russian historiography. Author uses little-known archival materials from the manuscript department of the Russian National Library and the Russian State Historical Archives, some of which are involved in scientific circulation for the first time. The Orenburg Hosts became a "polygons for reforms" because its local elite supported moderate reforms, fearing that otherwise the government could begin to completely eliminate this Cossack Hosts (appeals to this really sounded). However, by the middle of 1870 it became clear that these reforms (based on the conscriptional service system) did not meet expectations. In these circumstances, the Ministry of War turned to the experience of the disloyal Don Hosts, giving representatives of its elite to develop an alternative draft of the military service of the Cossacks, based on the traditional general military service of the Cossacks. This project was supported by the atamans of the Caucasian Cossack troops and the commander of the Orenburg military district, which predetermined its victory. But decade later it emerged that both the "Orenburg" and "Don" versions of the reforms had a common flaw: the economic press was too heavy for the Cossack economy.

Keywords: Orenburg Cossack Host, Don Cossack Host, the Cossacks' Reforms of 1860-1870, conscriptional service system, N.I. Krasnov, N.A. Maslakovets, P.V. Zvorykin.

1. Введение

1860–1870 гг. были интереснейшей эпохой в истории российского казачества, временем экспериментов и реализации в казачьих войсках полностью противоречащих их традициям проектов (о важнейшем из этих проектов мы и будем говорить в нашей статье). При этом различным казачьим войскам была предоставлена определенная свобода в том, чтобы развиваться своим путем. Яркой иллюстрацией подобной самостоятельности может служить то, что к началу 1870 гг. система военного обучения в каждом казачьем войске имела свои особенности, причем можно было выделить целых три принципиально различных варианта этой системы: донской, в рамках которого основной задачей считалась тренировка новобранцев станичными инструкторами; забайкальский, предполагавший, что подобные новобранцы должны год прослужить в учебных командах; кубанский, акцентировавший внимание не на подготовке молодых казаков, но на поддержании боеспособности казаков опытных, вышедших на льготу (Перетятко, 2017: 144–148). Военное Министерство заняло в этой ситуации выжидательную позицию, наблюдая и рассчитывая со временем понять, какой из этих вариантов окажется наиболее эффективным. Его представитель М.П. Хорошхин в 1873 г. писал: «Насколько перечисленные меры будут способствовать к лучшему обучению казаков – теперь определить невозможно, так как они установлены с недавнего времени; по этой же причине трудно судить о практической той или иной меры» (Хорошхин, 1873: 3).

* Corresponding author

E-mail addresses: ArtPeretatko@yandex.ru (A.Y. Peretyatko)

Чтобы объяснить, с одной стороны, факт проведения в казачьих войсках масштабных экспериментов, а с другой – необычную свободу, предоставленную в этих экспериментах местным властям, дадим слово другому современнику, оренбургскому атаману и генералу от инфантерии Н.А. Маслаковцу. «Все формы как народного быта, так и гражданского устройства, действовавшие в то время (на начало 1860 гг. – А.П.) в пределах казачьих территорий, давно уже отжили свое время и, видимо, обветшали, будучи при том главным образом основаны на историческом обособлении казачьих населений от других сословий в России. <...> Все формы экономического и гражданского устройства казачьих войск требовали как для блага самих населений, так и в видах возможно более успешного выполнения казачьими войсками целей правительственных, всестороннего пересмотра и коренных преобразований. Правительство, вполне оценив важность и неотложность этих реформ и сознавая всю трудность установления основных начал будущего устройства казачьих войск без ближайшего ознакомления с местными условиями, неизбежно влияющими на уклонение различных казачьих войск в ту или другую сторону от общего формального дела, приняло необходимость призвать самые казачьи населения к трудам по предварительной разработке всех необходимых для их будущего развития преобразований. С этой целью еще в 1860 г. были учреждены во всех казачьих войсках временные для составления новых о них положений комитеты» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 99. Л. 30–31).

Таким образом, к началу 1860 гг. правительство считало традиционное устройство казачьих войск абсолютно устаревшим и планировало полную перестройку его «основных начал». При этом в ходе перестройки предполагалось учитывать мнения самих казаков, создав в каждой войске специальные комитеты для подготовки реформ. В историографии (по крайней мере, донской) бытует мнение о бесправности этих комитетов. Дело в том, что в итоге военного министра Д.А. Милютин абсолютно не устроил подготовленный на Дону проект предстоящих реформ, и он не просто отверг его, но распорядился перенести дальнейшую работу по разработке преобразований во всех казачьих войсках в Санкт-Петербург. В воспоминаниях министра эти события описываются следующим образом: «Новочеркасский комитет представил проект, проникнутый духом замкнутости, обособленности, старинных привилегий казачества, без всякого внимания к новым преобразованиям в государстве. Такой проект очевидно показал, что вести столь важное дело на местах в среде самого казачества было невозможно без общего руководства центральной власти» (Милютин, 2005: 184–185). На этом основании современный таганрогский исследователь А.А. Волвенко полагает, что «результаты деятельности донского комитета оказались не востребованы, как «не соответствующие духу новейшего законодательства» (Волвенко, 2014: 18). Однако другой современный историк, Р.Г. Тикиджьян, не вполне согласен с данным утверждением и пишет по этому поводу следующее: «Последующий анализ проведения реформ на территории Войска Донского в период с 1868 по 1882 годы показывает, что центральной и местной властями все же были учтены некоторые значимые рекомендации и отдельные положения, разработанные донским кодификационным комитетом и донскими представителями правительственного Временного комитета» (Тикиджьян, 2014: 95–98).

На наш взгляд, Военное министерство могло отвергать конкретные предложения войсковых кодификационных комитетов, но не могло полностью игнорировать занятые ими позиции. Это может показаться странным современному читателю, но в начале 1860 гг. даже проправительственно настроенные авторы писали о возможности бунта на Дону в случае грубого нарушения прав казачества. Например, Н.И. Краснов, еще один чиновник Военного министерства, в 1864 г. писал: «Ни один народ не расстанется равнодушно с своими правами, обычаями и особенностями, а тем более с правами и привилегиями, в случае же насильственного их уничтожения оказывает сопротивление, берется за оружие, не дорожит жизнью и имуществом своим и уступает только огромному превосходству силы своего противника» (Краснов, 1864: 120–121). Даже десятилетием позже, в 1874–1875 гг., когда рассматривалась возможность создания Таганрогской губернии, донской атаман Н.А. Краснокутский предупреждал, что отторжение в ее пользу казачьих земель опасно именно тем, что при этом будут явно нарушены казачьи привилегии, точнее, неприкосновенность границ Области Войска Донского, что приведет к «серьезному недовольству» в среде местного населения (Peretyatko, 2016: 453–454). Поэтому не следует переоценивать централизаторские тенденции в политике Военного министерства по отношению к казачьим войскам в этот период: безусловно, решающим для проведения тех или иных реформ на казачьих территориях было мнение центрального правительства, однако местным властям была дана широкая свобода в локальных преобразованиях, вроде изменений в описанной выше военной подготовке казаков, а при проведении более серьезных реформ по крайней мере учитывалось мнение кодификационных комитетов, а позже представителей от соответствующего войска во Временном комитете по пересмотру казачьих законоположений, заменивших эти кодификационные комитеты. И очень быстро оказалось, что резко оппозиционному по отношению к правительственной политике Донскому войску можно противопоставить войско Оренбургское как наиболее лояльное к идеям Военного министерства.

Тут уместно обратить внимание читателя на то, что в XIX в. реформы, затрагивающие российское казачество в целом, проводились обычно двумя путями. Первый из них сразу предполагал реализацию реформы во всех казачьих войсках. Подобным образом для всего российского казачества было составлено «Положение об общественном управлении станиц казачьих войск» от 1891 г.

(Положение, 1891). Хотя фактически данный документ в разных казачьих областях вступал в силу не одновременно (например, в Забайкалье он был введен в действие с 30 августа 1893 г. (Маслаковец, 1903: 31), он изначально разрабатывался как универсальный с участием атаманов и представителей большинства казачьих войск (Об изменении..., 1888: 1–16). В других случаях реформа проводилась в одном войске, берущем на себя своеобразную роль полигона для правительственных экспериментов, и только затем переносилась на остальные казачьи войска или, напротив, признавалась ненужной. В интересующий нас период подобное, например, произошло с земской реформой, сначала реализованной на Дону, а потом фактически отмененной из-за нежелания казаков платить земские повинности (Волвенко, 2008: 196–213). Обычно «полигоном для реформ» выступала именно Земля (с 1870 г. – Область) Войска Донского: в частности, еще «Положение об управлении Донского войска» от 1835 г. стало затем образцом для создания «Положений» о других казачьих войсках, например, Черноморском и Оренбургском (Столетие..., 1902: 287, 290). В 1890 г. исследование причин обеднения казачьих войск также было начато на Дону и только затем признано актуальным для всего российского казачества (Столетие..., 1911: 82). Однако в 1860 г. в условиях жесткой оппозиции донского общества Военному министерству возникла необходимость поиска альтернативного «полигона для реформ» российского казачества. И вполне предсказуемо, что этим полигоном стало Оренбургское казачье войско. В условиях большей, чем обычно, свободы преобразований в различных казачьих войсках, в 1860 г., на наш взгляд, реформы на Дону и в Оренбуржье шли все более отдаляющимися друг от друга путями, представляя собой два варианта перестройки казачества. Подробный анализ и сопоставление этих вариантов потребовали бы отдельного монографического исследования, но мы в своей статье хотели бы ответить хотя бы на три вопроса. Почему именно Оренбургское войско добровольно согласилось стать полигоном для реформ, полностью перестраивающих казачество и, по оценке донских современников, далеко не безопасных? Почему эти реформы были свернуты и возобладал изначально оппозиционный правительству донской вариант преобразований? И, наконец, насколько существенной была разница между двумя альтернативными вариантами реформ?

2. Материалы и методы

Чтобы ответить на эти вопросы, мы обратимся к малоизвестным архивным источникам, некоторые из которых еще не вовлекались в научный оборот. Часть из них имеет личное происхождение: речь идет о записках и исследованиях сторонников «оренбургского» пути развития казачества, упомянутых выше Н.И. Краснова (хранятся в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290) и Н.А. Маслаковца (хранятся в отделе рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 98, 99), П.В. Зворыкина (также хранятся в ОР РНБ (ОР РНБ. Ф. 748. Ед. хр. 3). Другие представляют собой аналитическую документацию Военного министерства: в Российском государственном историческом архиве (РГИА) нам удалось найти ряд текстов, из которых становится ясно, почему в начале 1870 гг. «оренбургский» вариант реформ был реализован и в кавказских казачьих войсках (РГИА. Ф. 1405. Оп. 63. Д. 7572) и почему эта реализация не привела к ожидаемым позитивным последствиям (РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 429). В своем исследовании мы будем использовать главным образом историко-описательный метод, знакомя читателя с содержанием этих источников, и историко-сравнительный метод, чтобы наконец понять, почему «донской» вариант реформ, реализованный в изначально оппозиционном по отношению к правительственным идеям войске, в итоге одержал решительную победу.

3. Обсуждение

Эпоха Великих реформ в России, эпоха либеральных преобразований, сразу же поставила казачьи войска в крайне уязвимое положение. Дело в том, что в предыдущие десятилетия правительство пыталось «законсервировать» их, сохранить максимально близкими к тому виду, в котором они находились в наполеоновскую эпоху. Вот что, например, говорил Николай I донскому атаману М.Г. Власову: «Я люблю казаков, но не желал бы видеть их не казаками: надобно, чтобы на Дон не доходила никакая реформа, ни в правах, ни в обычаях, ни в самом служении. Пускай казаки останутся славными казаками Отечественной войны двенадцатого года» (Volvenko, 2015: 109). Это не означало, разумеется, полного отказа от реформ казачества, однако эти реформы не разрушали, но законодательно закрепляли «основные начала» устройства казачьих войск (Перетягко, 2018), на устарелость которых жаловался Н.А. Маслаковец. В результате казачьи территории в экономическом отношении все больше отставали от сопредельных губерний. Вот что писал по этому поводу Н.И. Краснов в своем исследовании, призванном доказать невыгодность для государства иррегулярной системы комплектования армии: «Прошло 80 лет со времен присоединения Крыма и умиротворения ногайских татар, а жители Донской области по-прежнему остаются в своем военном строе, медленно развиваются по пути гражданственности, и само правительство до шестидесятих годов настоящего столетия, видимо, потворствовало подобному порядку дел, считая, вероятно, выгодным для себя не только в военном и политическом, но и в финансовом отношении кажущееся недорогое содержание иррегулярных войск вместо регулярных» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 1150б.). А неудачи русского оружия в Крымскую войну подорвали и прежнюю европейскую военную

славу казаков. «Какими же мы нашли казаков в 1854 году? Что делали знаменитые их бекеты во время высадки французских войск? Сент-Арно доносит: «Я высадившись без одного выстрела», – писал по этому поводу анонимный французский автор (Краснов, 1870: XIII).

И к началу 1860 гг. многим современникам казачьи войска начали казаться чем-то архаичным. В официальном «Военном сборнике» в январе 1861 г. вышла статья за подписью некоего Ст., в которой приводилось четыре мнения, популярных в военной среде: «Если обстоятельства, родившие казачество, миновались, казачество должно пасть»; «То, что должно пасть, не следует поддерживать искусственными средствами»; «Донское войско есть аномалия, потому что расположено внутри Империи; оно же родилось от необходимости оберегать границы оной»; «Едиственное войско, для которого еще существуют обстоятельства, родившие его, есть кавказское линейное. Итак, единственно это войско и требует поддержки» (Ст., 1861: 202–203). Обратим внимание, что эта статья была написана до назначения Д.А. Милютин военным министром и, следовательно, до того, как Военное министерство взяло курс на радикальные реформы в казачьих войсках (предшественник Д.А. Милютин, Н.О. Сухозанет, был сторонником прежней, консервативной политики по отношению к казачеству, и утверждал, например, что привлечение на территорию Земли Войска Донского богатых людей неказачьего происхождения для развития экономики обернется тем, что «Дон наполнится владельцами богатыми, сильными и образованными, со связями и голосом своим – а тогда прощай ваше казачество» (Volvenko, 2015: 110). Соответственно, приведенные в статье Ст. мнения не были навязаны сверху и действительно отражали позицию части российских офицеров, о чем будут свидетельствовать и приведенные ниже цитаты, весьма нелестно характеризующие оренбургское казачество.

Дело в том, что из всех казачьих войск наибольшей критике подвергалось именно Оренбургское. Оно рассматривалось как не настоящее, искусственно созданное, а потому подлежащее упразднению в первую очередь. Снова дадим слово Н.И. Краснову. «Оренбургское войско своим существованием обязано самому правительству, которое воспользовалось небольшим проблеском казачества, высказывавшимся в так называемых волжских казаках (самарских и алексеевских), а также, руководствуясь идеей о выгоде для империи военно-поселенных войск, перемещало на территорию нынешнего Оренбургского войска не только отдельные семейства государственных крестьян, отставных солдат, башкир, польских шляхтичей и других, искавших себе нового жительства; но зачисляло в войско целые полки и батальоны, наделяя их достаточным количеством земли и обязав их так называемую казачьей службою. <...> Таким образом, это войско, основанное и поддержанное чисто административным путем, легко может изменить свой настоящий быт и усвоить гражданственность, лишь бы того требовали государственные вопросы» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 10. Д. 290. Л. 123об.–124об.). Н.А. Маслаковец был еще категоричнее, утверждая, что качества настоящих казаков «в Оренбургском казачьем войске не могли никогда получить и начала. Поэтому воинственность, удалство, сметливость, способность к перенесению трудностей и лишений дальних походов, составлявшие в свое время отличительные свойства настоящих казаков, в этом последнем никогда не имели и не могли иметь места» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 98. Л. 43–43об.). Подобные утверждения находили поддержку и на высшем уровне (сами Н.И. Краснов и Н.А. Маслаковец в 1860 гг. еще не имели генеральских чинов). Так, оренбургский и самарский генерал-губернатор А.П. Безак в начале 1860 гг. официально предложил перейти к постепенной ликвидации оренбургского казачества на том основании, что существование Оренбургского войска убыточно для казны и в военном отношении оно не отвечает ожиданиям правительства (Годовова, 2009: 63). Е.В. Годовова приводит его слова дословно: «Оренбургские казаки по местным условиям и разнотипному происхождению скорее всех других могут перестать быть казаками и замениться регулярными войсками» (Годовова, 2009: 63). Неизвестно, как развивались бы события, согласись император с А.П. Безаком, однако Александр II усомнился в возможности быстрого и безболезненного упразднения Оренбургского казачьего войска (Годовова, 2009: 63).

В этих условия оренбургская казачья элита избрала компромиссную стратегию, всячески демонстрируя Военному министерству полезность своего войска и его готовность к предстоящим реформам. Нам удалось обнаружить любопытнейший документ, «Записку о предложении относительно Оренбургского казачьего войска» оренбургского атамана П.В. Зворыкина. Эта записка была направлена против предложения Н.А. Маслаковца о немедленной ликвидации оренбургского казачества, однако атаман, позволявший себе даже личные выпады против своего оппонента, в то же время подчеркивал, что критикует именно идеи конкретного человека и не касается «соображений, по которым правительство может признать необходимым для пользы Государства и в особенности приграничного края обратить Оренбургское казачье войско в податное состояние» (ОР РНБ. Ф. 748. Ед. хр. 3. Л. 10б.). Более того, П.В. Зворыкин признавал, что «частные выгоды одного сословия должны быть принесены в жертву выгодам общим, то есть Государства» (ОР РНБ. Ф. 748. Ед. хр. 3. Л. 14об.), а это диаметрально противоречило позиции представителей донской элиты, полагавших, что в основу предстоящих реформ должны быть положены «справедливые пользы и желания казачьего сословия» (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 10б.). Однако атаман призывал правительство проявить в ходе реформ разумную осторожность и не торопиться с ликвидацией оренбургского казачества, поскольку «ежели, не взирая на все соображения и расчеты, кажущиеся так верными, и

сверх всяких ожиданий предлагаемая мера почему-либо окажется неприменимой на практике, тогда казаков уже не будет» (ОР РНБ. Ф. 748. Ед. хр. 3. Л. 17). По его мнению, в будущем Оренбургское войско, безусловно, следовало обратить в гражданское состояние, но пока время для этого не пришло. В интерпретации П.В. Зворыкина, превращение казачества в податное сословие ничуть не противоречило историческим традициям, но только при одном условии: если бы это происходило за счет того, что «станции, оставшиеся в тылу, хорошо обеспеченные от хищничеств новых граничных соседей, не давали уже людей на службу и взамен ее облагались налогом» (ОР РНБ. Ф. 748. Ед. хр. 3. Л. 16). Соответственно, полное упразднение Оренбургского казачьего войска можно было произвести только тогда, когда «совсем обитатели киргизской степи получают гражданское устройство» (ОР РНБ. Ф. 748. Ед. хр. 3. Л. 16–160б.).

Раскритиковав доводы Н.А. Маслаковца об убыточности Оренбургского казачьего войска и его небоеспособности (ОР РНБ. Ф. 748. Ед. хр. 3. Л. 3–330б.) (обратим внимание, что эти доводы совпадали с антиказачьей аргументацией А.П. Безака), П.В. Зворыкин предлагал свой вариант реформ, который вполне укладывался в правительственную политику, однако в ее рамках был максимально консервативным. Он предлагал уничтожить замкнутость Оренбургского войска и включить его в состав Оренбургской губернии, с тем, чтобы местное население постепенно сливалось в однородную массу и «самые отдаленные от линии казачьи селения мало-помалу и незаметно для целого войска освобождались от воинской повинности и потом перечислялись в гражданское ведомство» (ОР РНБ. Ф. 748. Ед. хр. 3. Л. 34). Может показаться любопытным, что подобный сравнительно мягкий способ обращения оренбургского казачества в податное состояние предлагал и А.П. Безак (Годовова, 2009: 63), однако он, как мы помним, рассчитывал на то, что слияние оренбургского казачества и крестьянства произойдет достаточно быстро. П.В. Зворыкин, напротив, подчеркивал, что «одним из первых и главных условий этого процесса» должна быть «постепенность» (ОР РНБ. Ф. 748. Ед. хр. 3. Л. 34). Таким образом, оренбургская войсковая элита в лице своего атамана заняла достаточно сложную позицию: в отличие от донских казаков, она избегала прямой конфронтации с правительством, но при этом пыталось убедить последнее отказаться от наиболее радикальных реформ и сосредоточиться на реформах ограниченных, не предполагающих немедленной ликвидации казачьего сословия. И эта политика привела к определенному успеху: идеи А.П. Безака, Н.И. Краснова, Н.А. Маслаковца о демилитаризации Оренбургского войска были отвергнуты, и в Оренбуржье был начат другой, более компромиссный эксперимент.

Речь идет о реализации на его территории конскрипционной системы службы. Эта система, прежде никогда не практиковавшаяся в среде российского казачества, предполагала ограничение численности выставляемых войском частей, с тем, чтобы оставшиеся за штатом казаки полностью освобождались от службы в обмен на уплату определенной денежной суммы. Конскрипционной системе службы посвящена недавно вышедшая статья А.А. Волвенко (Волвенко, 2016), однако мы снова дадим слово для пояснения правительственной логики при проведении этой реформы чиновнику-современнику, Н.А. Маслаковцу. «Точно определяя размер военного состава и устанавливая совершенно новые условия отбывания лежащей на войске служебной повинности, закон навсегда освободил население Оренбургского казачьего сословия от поголовного прикрепления к военному делу. Жребий, решающий вопрос служить или не служить, так сказать, на заре вступления малолетка в самостоятельную жизненную деятельность, предоставляет казаку при зачислении в войсковые граждане (так называлась категория освобожденных от службы – А.П.) полный простор для приложения нравственных и материальных сил, согласно собственного призвания с первого же для него выбора, не отрывая его более от мирных занятий военными условиями отбывания очередного наряда на службу» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 99. Л. 40–400б.). Нетрудно усмотреть в этой системе определенное сходство с предложениями А.П. Безака и П.В. Зворыкина: Оренбургское войско не подлежало немедленной ликвидации, но в его составе выделялась особая категория казаков, близких к обычному населению империи и способных в перспективе слиться с ним.

Конскрипционная система службы оренбургских казаков была введена в 1867 г., а через четыре года, очевидно, удовлетворенное экспериментом Военное министерство начало распространять ее на другие казачьи войска: в 1871–1872 гг. она была установлена также для Кубанского, Терского, Сибирского, Забайкальского и Астраханского войск (Волвенко, 2016: 71). По мнению А.А. Волвенко, «предполагаемая выгода от разделения казаков на служилых и не служилых не успела плотно войти в жизнь казачества и продемонстрировать свой положительный, а может быть, и отрицательный эффект» (Волвенко, 2016: 71). Однако нам удалось найти материалы, которые позволяют несколько прояснить вопрос об эффективности новой системы. Правда, они относятся не к Оренбургскому, а к Кубанскому и Терскому казачьим войскам. Тем не менее, нам кажется уместным обратить внимание на них здесь.

В 1868 г. правительство выделяло Кубанскому войску из акцизов с продажи вина и водки на его территории 831 767 руб., а Терскому войску – 174 767 руб. (РГИА. Ф. 1405. Оп. 63. Д. 7572. Л. 3070б.). Эти государственные субсидии давали больше $\frac{3}{4}$ доходов войскового бюджета в обоих войсках, при этом если Кубанское войско хотя бы обходилось без дефицита этого бюджета, то Терское тратило больше, чем получало из различных источников дохода (РГИА. Ф. 1405. Оп. 63. Д. 7572. Л. 307).

Между тем в рамках реформ местного гражданского управления планировалось «увеличение расходов на новые административные и служебные должности» (РГИА. Ф. 1405. Оп. 63. Д. 7572. Л. 308). И в этих условиях Военное министерство решило обратиться к оренбургскому опыту, создав в обоих войсках разряд неслужилых казаков, численностью в 14 000 человек на Кубани и 2 000 человек на Тереке, что, при налоге в 15 руб. в год, обеспечило бы рост доходов войсковых бюджетов в размере 210 000 руб. и 30 000 руб. соответственно (РГИА. Ф. 1405. Оп. 63. Д. 7572. Л. 310об.). Хотя это не привело бы к уничтожению финансовой зависимости казачьих войск от государственной казны, но, по крайней мере, в теории должно было увеличить их доходы, не говоря уже о развитии местной экономики из-за роста численности освобожденной от обязательной службы рабочей силы.

Однако на практике введение конскрипционной системы в кавказских войсках привело совершенно не к тем итогам, которых ожидали. Интересно, что, согласно официальному «столетию Военного министерства», в Оренбуржье эта реформа провалилась из-за неверной оценки численности казаков при определении штата положенного контингента частей (Столетие..., 1907: 355). Аналогичная ситуация произошла и в Терском войске: здесь просто физически не хватало людей для укомплектования неслужилого разряда, полков и батарей. Указанной цифры в 2 000 войсковых граждан достигнуть так и не удалось: в 1876 г. их было только 1 780 (РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 429. Л. 8), а в 1881 г. – 1 735 (РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 429. Л. 37). Соответственно, на бумаге остались и 30 000 руб. дополнительного годового дохода для войскового бюджета: в том же 1881 г. с войсковых граждан было собрано всего 11 284 руб. 69 коп. (РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 430. Л. 200б.). Нетрудно заметить, что сумма была заметно меньше, чем та, которая выходила бы, даже если бы все имеющиеся неслужилые казаки исправно платили бы положенные 15 руб. Между тем из-за недостатка людей в служилом разряде для укомплектования хотя бы строевых частей членов этого разряда приходилось задерживать на службе, и нормальный срок однократного призыва (напомним, тогда казаки призывались в строй несколько раз, с перерывами на льготу), составлял 6–7 лет (РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 429. Л. 14).

Хотя в Кубанском войске ситуация была менее катастрофической, и в нем неслужилый разряд, очевидно, не оправдал возлагавшихся на него надежд. В 1880 г. один из корреспондентов писал начальнику Кубанской области: «В станицах есть много казаков не служащего разряда, не пользующихся землей по бедности, или по дурному поведению, или по другим причинам; они не в состоянии делать в войско 15 руб. взноса, и войско слагает эти недоимки в ущерб войскового дохода» (ГАКК. Ф. 460. Оп. 1. Д. 67. Л. 33об.–34). Именно в отсутствие способов взыскать с неисправных плательщиков недоимки и заключалась причина, по которой и в Кубанском, и Терском войске доход с войсковых граждан был заметно меньше расчетного. Военное министерство замечало по этому поводу: «Неслужилые казаки нетрезвой жизни и вообще дурного поведения, сбывая и растрачивая свое имущество, они уходят на заработки и часто находятся в безвестном отсутствии, так что при невозможности командировать их на службу войсковое начальство лишено всяких средств взыскать с них накопившиеся недоимки» (РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 429. Л. 19–190б.).

Как мы уже сказали, нам не удалось найти аналогичных документов с анализом негативных последствий введения конскрипционной системы в Оренбургском войске, однако они существовали, и с большой долей вероятности можно предполагать, что там содержались схожие замечания. Во всяком случае, донской опыт, к которому мы сейчас перейдем, возобладал над оренбургским после того, как в 1876 г. командующий Оренбургским военным округом направил в Военное министерство проект реформы Оренбургского казачьего войска, и оказалось, что содержащиеся в нем предложения соответствуют уже проведенным на Дону преобразованиям в военной сфере (РГИА. Ф. 1246. Оп. 1. Год 1876. Д. 9. Л. 10).

Масштабная военная реформа на Дону была начата только в 1870 гг., заметно позже, чем в Оренбуржье. Хотя до этого отдельные мероприятия, связанные с изменениями системы военной службы, и проводились, они носили половинчатый и незаконченный характер. Дело было в том, что в 1860 гг. Военное министерство рассматривало конскрипционную систему как приоритетный вариант развития для всех казачьих войск и пыталось убедить донские власти реализовать ее. Однако в данном случае даже сторонники правительственной политики казачьего происхождения были крайне осторожны: в частности, начальник Главного управления иррегулярных войск Н.И. Карлгоф жаловался, что его доверенный помощник, донской казак А.П. Чеботарев, высказывался против подобной реформы «из опасения подвергнуться негодованию своих войсковых обывателей» (Volvenko, 2015: 112). И попытки навязать конскрипцию донскому казачеству, естественно, тормозили проведение его военных реформ: например, во время подготовки реформы военного управления краем атамана М.И. Черткова просили соотнести уже подготовленный план преобразований с новым проектом «положения по отбыванию казаками военной службы» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 1. Д. 82. Л. 67). Как мы показали во введении к статье, в этих условиях Военное министерство предпочитало не предпринимать слишком резких действий, опасаясь недовольства казаков, способного перейти в бунт. В результате к началу 1870 гг. конскрипционная система службы не была введена только в двух крупных казачьих войсках, Донском и Уральском.

И это снова сделало Донское войско оптимальным «полигоном для реформ», хотя и вопреки, а не благодаря воле правительства. Дело в том, что в 1870 гг. политика Военного министерства по

отношению к казачьим войскам начала меняться. Причины этих изменений слишком важны и обширны, чтобы анализировать их в данной статье, поэтому ограничимся указанием на то, что боевая ценность казачьих частей снова начала оцениваться достаточно высоко, и Военное министерство решило отказаться от постепенной ликвидации казачьих войск. В одном из документов 1881 г., к которому эта политика окончательно возобладавала, она была сформулирована следующим образом: «Известно, что в общем составе вооруженных сил наших ощущается недостаток в кавалерии, что и заставляет обратить особенное внимание на извлечение из казачьих войск наибольшей боевой силы, не только для местной потребности тех окраин, где расположены казачьи войска, но и для усиления кавалерии на западной границе, на случай европейской войны» (РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 429. Л. 250б.). К началу 1870 гг. Военное министерство еще не было полностью уверено в правильности подобной политики, но, по крайней мере, продолжая распространять конскрипционную систему за пределы Оренбургского войска, оно в то же время предложило другим войскам принципиально иной, альтернативный проект.

В мае 1871 г. этот проект прибыл на Дон. В его рамках Военное министерство планировало осуществить втягивание казаков в нормальную гражданскую жизнь государства (от этой цели оно не отказывалось) не путем разделения казачества на две категории, служилую и несслужилую, но путем сокращения срока службы и введения однократного призыва. В то же время предполагалось сохранить поголовный характер военной службы, что давало возможность даже увеличить число строевых донских полков и батарей (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 1937. Л. 1–610б.). Мы не знаем, был ли этот проект продуманным шагом или шагом вынужденным, поскольку нужно было хоть как-то реформировать явно устаревшую систему службы донских казаков, а конскрипционную систему на них распространить не удалось. Судя по архивным документам, второй вариант вероятнее: во всяком случае, в преамбуле к проекту было написано, что причиной его составления стала «необходимость согласовать вообще правила о воинской повинности Донского войска с современными требованиями военного дела», а также явный беспорядок в отбывании донскими казаками военной службы (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 1937. Л. 1). С другой стороны, само появление этого проекта и его рассылка в казачьи войска (а он был отправлен не только на Дон) наглядно свидетельствовали об определенном разочаровании Военного министерства в конскрипционной системе и готовности провести альтернативный эксперимент.

Кубанский историк А.Н. Малукало упоминает о том, что в 1872 г. в комитет при кубанском атамане поступили некие «предложения Главного управления иррегулярных войск», причем, как ясно из его описания, они полностью соответствовали проекту, легшему в основу донской реформы, и так же предполагали введение однократного всеобщего призыва (Малукало, 2003: 91–92). Однако комитет их отверг, как считает современный исследователь, вполне обоснованно, по той причине, что они нарушали интересы казачьего населения (Малукало, 2003: 91–92). Мы позволим себе усомниться в данном предположении. А.Н. Малукало пишет, что председателем этого комитета был И.Д. Попко (Малукало, 2003: 90–91). Между тем именно И.Д. Попко в начале 1860 гг. являлся одним из наиболее убежденных сторонников радикальных реформ казачества и даже выступал в их защиту в прессе, правда, под псевдонимом (Peretyatko, 2017: 1409–1410). Нам представляется, что неприятие Кубанским войском нового проекта было связано именно с этим: к началу 1870 гг. большая часть казачьих войск уже приняла тот факт, что их будущее связано с конскрипционной системой, и для ее сторонника И.Д. Попко возврат к всеобщей службе казачества был бы личным политическим поражением.

Неудивительно, что в условиях недавней победы конскрипционной системы и ее сторонников, некоторые из которых, подобно И.Д. Попко, занимали теперь важные должности на местах и участвовали в ее претворении в жизнь, только оппозиционное этой системе и вообще прежней политике Военного министерства Донское войско выразило желание реализовать новый правительственный проект. А само Военное министерство, не вполне уверенное в этом проекте, не стало его навязывать другим казачьим войскам: в частности, Кубанскому войску быстро дали от него отказаться (Малукало, 2003: 92). Мы не будем подробно останавливаться на ходе подготовки военной реформы на Дону, поскольку ей посвящена большая часть недавно изданной нами монографии (Перетяtko, 2014: 91–184). Важнее то, что, как мы в ней показали, первоначальный правительственный проект стал только самой общей основой для детализированного и подробного плана масштабной реформы, составленного комиссией из донских офицеров. А к тому моменту, когда этот план, доработанный центральным аппаратом Военного министерства, был утвержден Государственным советом (это произошло в 1875 г.), имперские военные власти окончательно разочаровались в конскрипционной системе, и реформа, еще недавно предназначенная для одного, наименее сговорчивого казачьего войска, в одночасье оказалась образцовой для всего казачества.

Причиной этого, очевидно, стал как раз провал конскрипционной системы в казачьих войсках. Во всяком случае, в 1879 г., менее чем через 10 лет после того, как И.Д. Попко официально отказался от спущенных сверху предложений, легших в основу военной реформы Донского войска, командующий Кавказской армией великий князь Михаил Николаевич просил как можно быстрее распространить эту реформу на Кубань и Терек, отмечая, что она «существенно облегчит материальный быт обоих войск, на которых настоящий размер воинской повинности отражается

более и более неприятно» (РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 429. Л. 170б.). Кубанский атаман Н.Н. Кармалин выступил за проведение военной реформы по донскому образцу во вверенном ему войске еще в 1876 г., считая обеспечиваемое ею сокращение срока службы для всех казаков более эффективной мерой обеспечения их нормальной гражданской жизни, чем введение неслужилого разряда: «Так как исправное снаряжение казака зависит от материальных средств его, то продолжительный срок действительной службы имеет последствием дурное снаряжение строевых частей, независимо от потерь и расстройств в хозяйстве, и только благодаря полному самоотвержению казаков, продающих часто последнее достояние, снаряжение казачьих частей находится еще в удовлетворительном состоянии» (РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 429. Л. 2). Через три года, в 1879 г., он высказал также следующую мысль: «При сокращенных сроках службы казаку во всех отношениях выгоднее раньше отбыть службу, чтобы потом заняться непрерывно своим хозяйством <...>, что окажет, в свою очередь, благое влияние на устройство экономического и семейного быта в будущих поколениях» (РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 429. Л. 11).

Еще до того, как начали доноситься эти голоса с Кавказа, 21 января 1876 г. Военное министерство обратилось в Государственный совет с предложением распространить военную реформу Донского войска на все остальные казачьи войска. При этом оно оставляло за собой определенную свободу: речь шла не о немедленном ее распространении, но о предоставлении Военному совету права без консультации с другими государственными органами «применять устав о воинской повинности Донского войска, вполне или постепенно, к другим казачьим войскам, если к тому представится возможность, с теми изменениями в частностях, которые могут быть вызваны особыми, местными условиями казачьих войск» (РГИА. Ф. 1246. Оп. 1. Год 1876. Д. 9. Л. 100б.). Вскоре это предложение было утверждено (РГИА. Ф. 1246. Оп. 1. Год 1876. Д. 9. Л. 8–9), хотя годом раньше, во время дискуссии в Государственном совете, его члены пришли к неоднозначным выводам по поводу эффективности военной реформы донского казачества. Вот что говорилось об этом в официальных документах: «При рассмотрении в Государственном совете устава о воинской повинности Донского войска было положительно доказано, что требования, налагаемые этим уставом и положением о воинской службе, следует считать крайним пределом воинской повинности казачьего населения, и что дальнейшее отягощение этой повинности повело бы к подрыву материального благосостояния казаков» (к сожалению, более подробных обоснований этого мнения мы не нашли) (РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 429. Л. 10б.).

И, как оказалось, это мнение было совершенно правильным, а Военное министерство фактически сразу повторило допущенную ошибку. Использование одного из казачьих войск в качестве «полигона для реформ» позволяло оценить последствия этих реформ хотя бы в ближайшей перспективе, выявить их плюсы и минусы для местного населения и государства. Однако на практике ни в 1867 г., ни в 1875 г. этого сделано не было, и почти сразу после проведения преобразований в одном войске Военное министерство, убежденное в их благотворности, распространяло их на все остальные казачьи войска. Между тем донской вариант реформы, хотя и позволял обеспечить большую численность казачьих частей, в экономическом отношении также оказался чрезвычайно тягостным для местного населения, просто потому, что почти не оставлял пространства для маневра и вынуждал идти на службу даже самых бедных казаков, которых служба приводила к полному и окончательному разорению. Донские земцы уже через несколько лет после его реализации, в 1880 г., пытались добиться облегчения военной службы для казаков (Маслаковец, 1880: 8). А десятилетие спустя и наиболее прозорливые чиновники начали соглашаться с этим мнением. Н.А. Маслаковец в 1889 г., в бытность свою оренбургским атаманом, писал, что нормальная жизнь для казачьего сословия больше невозможна без «более или менее серьезной помощи извне» или «облегчения Оренбургского войска в лежащих на нем личных и имущественных повинностях» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 104. Л. 100б. –11).

4. Заключение

Рассмотрев изложенные выше факты, мы можем, наконец, ответить на три вопроса, сформулированные во введении к статье. Оренбургское войско стало «полигоном для реформ» в 1860 гг., а Донское войско вернуло себе статус «полигона для реформ» в 1870 гг. из-за самой логики развития исторических событий и порожденной этой логикой позиции местных элит. В начале 1860 гг. все казачьи войска оказались в опасном положении, поскольку в военной и чиновничьей среде все большей популярностью пользовалось мнение о необходимости их упразднения. Однако, если донская элита даже в этих условиях чувствовала себя достаточно сильной, чтобы занять оппозиционную позицию по отношению к правительству и пытаться заблокировать многие предлагаемые им преобразования как потенциально опасные для казачества, то, очевидно, не чувствуя за собой силы оренбургская элита пошла на компромисс, публично выразив поддержку правительственной политике. Понятно, что в этих условиях внешне лояльное Оренбургское войско гораздо лучше Донского подходило для апробации относительно умеренных правительственных идей и демонстрации того, что они не ведут к немедленной гибели казачества. Оренбургская элита также была заинтересована в подобном развитии событий, поскольку, пока Оренбургское войско оставалось «полигоном для реформ», немедленная ликвидация ему не грозила. Однако хотела ли эта элита

настоящего успеха реформ? На наш взгляд, скорее, нет: она была заинтересована не в результате преобразований, а в их максимально долгом процессе. По крайней мере, на эту мысль наталкивает сопоставление проектов введения оренбургского казачества в состав Оренбургской губернии, предложенных А.П. Безаком и П.В. Зворыкиным: если первый из указанных государственных деятелей, лично не связанный с Оренбургским казачьим войском, видел целью разработанной им реформы максимально быстрое слияние местных казаков и крестьян, то второй, занимавший должность оренбургского атамана, формально декларировал желание достичь той же цели, однако, при этом постоянно подчеркивал, что процесс ее достижения должен быть максимально «постепенным».

К началу 1870 г. ситуация в корне изменилась. К этому времени большая часть казачьих войск находилась в процессе полной перестройки, основой для которой должна была стать конскрипционная система службы. Вот только Оренбургское войско, в которое эта система была впервые введена, отнюдь не демонстрировало ожидаемых успехов в экономической и финансовой сферах. В это же время Военное министерство произвело переоценку своего прежде скептического отношения к казачьим частям и теперь считало важным «извлечение из казачьих войск наибольшей боевой силы». В подобных условиях довольно неуверенная попытка правительства реализовать альтернативный проект системы казачьей службы, предполагавший традиционный поголовный призыв молодых казаков в строевые части, была активно поддержана Донским войском. Это войско, в прошлое десятилетие куда меньше затронутое преобразованиями, чем более лояльные казачьи войска, теперь стало идеальным «полигоном для реформ», поскольку его элита, опасавшаяся реализации на Дону конскрипционной системы, приложила все усилия, чтобы проект альтернативной введению этой системы военной реформы оказался максимально удачным и проработанным.

И в результате этих процессов альтернативные «оренбургский» и «донской» варианты перестройки казачьих войск в середине 1870 г. оказались, если можно так выразиться, в совершенно неравных условиях. Конскрипционная система службы, введенная в Оренбургское войско почти за десятилетие до этого, успела показать все свои многочисленные недостатки, причем на примере целого ряда казачьих войск: так, в Кубанском войске актуальнейшей проблемой была невозможность насильно взимать плату за освобождение от службы с неисправных плательщиков нестроевого разряда, а в Терском и, очевидно, Оренбургском войсках острее стоял вопрос о неправильных расчетах численности взрослых казаков, из-за малого числа которых количество войсковых граждан не получалось довести до положенного, а фактический срок службы в строевых частях был увеличен. В противоположность этому система поголовной службы казачества, предложенная в ходе военной реформы Донского войска, к январю 1876 г. не была по-настоящему апробирована даже на Дону, и поэтому военные чиновники пока ясно представляли только ее плюсы, связанные с серьезным сокращением срока службы и введением однократного призыва. Безусловно, у победы «донского» варианта преобразований были и другие причины, связанные с общей сменой курса правительства по отношению к казачеству и желанием «извлечь из казачьих войск наибольшую боевую силу». Тем не менее, отмеченное нами ситуационное преимущество «донского» варианта над «оренбургским» сыграло очень важную роль: даже формальным поводом для распространения поголовной системы военной службы на все казачьи войска стало обращение в 1876 г. командующего Оренбургским военным округом в Военное министерство, в котором критиковалась конскрипционная система и предлагались преобразования, сходные с проведенными на Дону.

Таким образом, и причины выбора сначала Оренбургского, а затем Донского войска в качестве «полигонов для реформ», и причины победы «донского» варианта преобразований достаточно ясны. Гораздо более неоднозначной нам представляется вопрос о сходствах и различиях альтернативных вариантов развития казачьих войск. На первый взгляд, между ними было очень мало общего, кроме того, что и «донской», и «оренбургский» варианты предполагали адаптацию казачества к изменившимся условиям. Однако сущность этой адаптации была принципиально разной: как мы видели выше, даже наиболее консервативный из сторонников «оренбургского» варианта П.В. Зворыкин считал неизбежной ликвидацию казачества в исторической перспективе, и предлагаемый им вариант реформ был, в конечном счете, направлен на обеспечение постепенного и безболезненного слияния казаков с остальным населением России. «Донской» вариант, напротив, возник благодаря борьбе донской элиты с подобным развитием событий и предполагал сохранение казачества как военного сословия за счет поголовности его военной службы и отличности системы этой службы от принятой в остальной России.

Однако и «оренбургский», и «донской» варианты совпадали в одном важнейшем элементе: они оказались экономически очень тяжелы для казачества и фактически подрывали его материальное благосостояние. Это происходило вопреки желанию их авторов: как мы показали выше, Военное министерство, напротив, рассчитывало с их помощью облегчить экономическое положение казаков, в первом случае освободив часть из них от службы, а во втором – сократив срок их службы. И то, что эффект от «донского», и от «оренбургского» вариантов реформ в экономическом отношении оказался обратным ожидаемому, можно рассматривать как важный довод в пользу того, что к 1860 г. казачьи войска действительно были уже обречены не из-за военных или политических, а из-за

экономических факторов, и создать такой вариант их устройства, который бы соответствовал изменившимся реалиям, но не налагал слишком тяжелого экономического пресса на рядовых казаков, было очень сложно, если не невозможно.

5. Благодарности

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 18-39-00009.

Литература

- Волвенко, 2008** – Волвенко А.А. Правительственная политика, местная власть и земская реформа в Области войска Донского (1864–1882 гг.) // *Казачество России: прошлое и настоящее*. Сборник научных статей. Вып. 2. Ростов-на-Дону, 2008. С. 196–213.
- Волвенко, 2014** – Волвенко А.А. Донское казачество в правительственной политике эпохи «Великих реформ» (1860–1870 гг.) // *Известия Самарского центра Российской академии наук*. Т. 16. № 3. 2014. С. 12–20.
- Волвенко, 2016** – Волвенко А.А. Концепция войскового (неслужилого) гражданина: замыслы и практика (1860–1870-ые гг.) // *Primo Aspectu*. 2016. № 4 (28). С. 68–71.
- ГАКК** – Государственный архив Краснодарского края.
- ГАРО** – Государственный архив Ростовской области.
- Годовова, 2009** – Годовова Е.В. Реформаторская политика оренбургских губернаторов в отношении Оренбургского казачьего войска (1798–1865 гг.) // *Вестник Самарского государственного университета*. 2009. № 3 (69). С. 60–66.
- Краснов, 1864** – Краснов Н.И. Военное обозрение Земли Войска Донского. СПб., 1864. 352 с.
- Краснов, 1870** – Краснов Н.И. Военное обозрение Земли Донского Войска. СПб., 1870. 288 с.
- Малукало, 2003** – Малукало А.Н. Кубанское казачье войско в 1860–1914 гг.: организация, система управления и функционирования, социально-экономический статус. Краснодар, 2003. 216 с.
- Маслаковец, 1880** – Маслаковец Н.А. Объяснительная записка к вопросу о применении к Области войска Донского земской реформы на основаниях, соответствующих местным условиям края и бытовым особенностям главной (казачьей) массы ее населения. Новочеркасск, 1880. 124 с.
- Маслаковец, 1903** – Маслаковец Н.А. Доклад о результатах командировки состоящего в распоряжении военного министра генерал-лейтенанта Маслаковца в 1903 году в Забайкальское казачье войско. СПб., 1903. 260 с.
- Милютин, 2005** – Милютин Д.А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1865–1867. М., 2005. 696 с.
- Об изменении..., 1888** – Об изменении высочайше утвержденного 13/25 мая 1870 г. положения об общественном управлении в казачьих войсках. СПб., 1888. 32 с.
- ОР РНБ** – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.
- Перетяцько, 2014** – Перетяцько А.Ю. Военная организация и военное управление Области войска Донского во второй половине XIX века. Ростов-на-Дону, 2014. 236 с.
- Перетяцько, 2017** – Перетяцько А.Ю. Эксперименты в дотроевой подготовке казаков в 1860–1870 гг. по материалам периодической печати // *Война и воинские традиции в культурах народов Юга России*. VI Токаревские чтения. Ростов-на-Дону, 2017. С. 144–148.
- Перетяцько, 2018** – Перетяцько А.Ю. К истории одного текста: "Положение об управлении Донского войска" 1860-х годов // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения*. 2018. Т. 23. № 2. С. 100–110.
- Положение..., 1891** – Положение об общественном управлении станиц казачьих войск, Высочайше утвержденное 3 июня 1891 года. Новочеркасск, 1891. 51 с.
- РГВИА** – Российский государственный военно-исторический архив.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Ст., 1861** – Ст. По поводу открытия комитетов для пересмотра положений в казачьих войсках // *Военный сборник*. 1861. № 1. С. 201–210.
- Столетие, 1902** – Столетие военного министерства. 1802–1902. Т. XI. Ч. 1. СПб., 1902. 973 с.
- Столетие, 1907** – Столетие военного министерства. 1802–1902. Т. XI. Ч. 3. СПб., 1907. 695 с.
- Столетие, 1911** – Столетие военного министерства. 1802–1902. Т. XI. Ч. 4. СПб., 1911. 462 с.
- Тикиджьян, 2014** – Тикиджьян Р.Г. Донской кодификационный комитет // *Донской временник*. 2014. Вып. 23. С. 95–98.
- Хорошхин, 1873** – Хорошхин М.П. Меры для строевого обучения казаков // *Русский инвалид*. 1873. № 138. С. 3–4.
- Peretyatko, 2016** – Peretyatko A.Y. Dispute about the Mius district in 1874: Inviolable Part of the Don Host Oblast or Historical Little Russia? // *Bylye Gody*, 2016, Vol. 40, Is. 2. pp. 448–456.
- Peretyatko, 2017** – Peretyatko A.Y. "Before Giving to the Nation or Tribe A New Order, One Must First Ask the People of this Nation whether they Need this Order": the Local Prerequisites for the Reforms of 1860–1870 On the Don. Part II // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 46. Is. 4. Pp. 1401–1415.
- Volvenko, 2015** – Volvenko A.A. Chebotarev A.P. – "the Grey Cardinal" of Cossack Reforms of the Epoch of Liberation? // *History and Historians in the Context of the Time*. 2015. Vol. 15. Is. 2. pp. 106–114.

References

- GAKK** – State archive of Krasnodar region.
GARO – State archive of the Rostov region.
Godovova, 2009 – *Godovova E.V.* (2009). Reformatorskaya politika Orenburgskikh gubernatorov v otnoshenii Orenburgskogo kazach'ego voiska (1798-1865 gg.) [Reform policy of the Orenburg governors in relation of the Orenburg Cossack Host (1798-1865)]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 3 (69). pp. 60-66. [in Russian]
Khoroshkhin, 1873 – *Khoroshkhin M.P.* (1873). Mery dlya stroevogo obucheniya kazakov [Measures for combat training of the Cossacks]. *Russky Invalid*. № 138. pp. 3-4 [in Russian]
Krasnov, 1864 – *Krasnov N.I.* (1864). Voennoe obozrenie Zemli Donskogo Voiska [Military review of the Don Host Oblast]. SPb. P. 352. [in Russian]
Krasnov, 1870 – *Krasnov N.I.* (1870). Voennoe obozrenie Zemli Donskogo Voiska [Military review of the Don Host Oblast]. SPb. P. 290. [in Russian]
Malukalo, 2003 – *Malukalo A.N.* (2003). Kubanskoe kazach'e voisko v 1860-1914 gg.: organizatsiya, sistema upravleniya i funktsionirovaniya, sotsial'no-ekonomicheskii status [Kuban Cossack Host in 1860-1914: organization, management and functioning system, socio-economic status]. Krasnodar. P. 216 [in Russian]
Maslakovets, 1880 – *Maslakovets N.A.* (1880). Ob'yasnitel'naya zapiska k voprosu o primenenii k oblasti voiska Donskogo zemskoi reformy na osnovaniyakh, sootvetstvuyushchikh mestnym usloviyam kraya i bytovym osobennostyam glavnoi (kazach'ei) massy ee naseleniya [Explanatory Note about the Question of the Application of the Reform of Zemstvo to the Don Host Oblast on the Grounds Corresponding to the Local Conditions of the Region and the Everyday Peculiarities of the Main (Cossack) Mass of its Population]. Novochoerkassk. P. 124. [in Russian]
Maslakovets, 1903 – *Maslakovets N.A.* (1903). Doklad o rezul'tatakh komandirovki sostoyashchego v rasporyazhenii voennogo ministra general-leitenanta Maslakovtza v 1903 godu v Zabaikal'skoe kazach'e voisko [Report on the results of the trip of Lieutenant-General Maslakovets, who was at the disposal of the Minister of War, to the Trans-Baikal Cossack Host in 1903]. SPb. P. 260. [in Russian]
Miljutin, 2005 – *Miljutin D.A.* (2005). Vospominaniya general-fel'dmarshala grafa Dmitrija Alekseevicha Miljutina. 1860-1862 [Memoirs of the general field marshal count Dmitry Alekseevich Milyutin. 1865-1867]. M. P. 696. [in Russian]
Ob izmenenii..., 1888 – Ob izmenenii vysochaishe utverzhdennogo 13/25 maya 1870 g. polozheniya ob obshchestvennom upravlenii v kazach'ikh voiskakh [About the change of the Highest approved on 13/25 May 1870 regulation about public administration in the Cossack Hosts]. SPb., 1888. P. 32. [in Russian]
OR RNB – Department of manuscripts of Russian national library.
Peretyatko, 2014 – *Peretyatko A.Y.* (2014). Voennaja organizatsiya i voennoe upravlenie Oblasti Vojska Donskogo vo vtoroj polovine XIX veka [The military organization and military management of Don Host Oblast in the second half of the 19th century]. Rostov-on-Don. P. 236. [in Russian]
Peretyatko, 2016 – *Peretyatko A.Y.* (2016). Dispute about the Mius district in 1874: Inviolable Part of the Don Host Oblast or Historical Little Russia? *Bylye Gody*. Vol. 40, Is. 2. pp. 448-456. [in Russian]
Peretyatko, 2017 – *Peretyatko A.Y.* (2017). "Before Giving to the Nation or Tribe A New Order, One Must First Ask the People of this Nation whether they Need this Order": the Local Prerequisites for the Reforms of 1860–1870 On the Don. Part II. *Bylye Gody*. Vol. 46. Is. 4. pp. 1401-1415. [in Russian]
Peretyatko, 2017 – *Peretyatko A.Yu.* (2017). Eksperimenty v dostroevoi podgotovke kazakov v 1860-1870 gg. po materialam periodicheskoi pechati [Experiments in the completion of the training of Cossacks in the 1860-1870's. on the materials of the periodical press]. *Voina i voinskie traditsii v kul'turakh narodov Yuga Rossii*. VI Tokarevskie chteniya. Rostov-na-Donu. pp. 144-148. [in Russian]
Peretyatko, 2018 – *Peretyatko A.Yu.* (2018). To the History of One Text: Regulation on the Administration of the Don Host of the 1860s. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], vol. 23, no. 2, pp. 100-110. [in Russian]
Polozhenie, 1891 – Polozhenie ob obshchestvennom upravlenii stanits kazach'ikh voisk, Vysochaishe utverzhdennoe 3 iyunya 1891 goda [Regulations about the public administration of the villages of Cossack Hosts, Highest approved on June 3, 1891]. Novochoerkassk, 1891. P. 51. [in Russian]
RGIA – Russian state historical archive.
RGVIA – Russian state military and historical archive.
St., 1861 – St. Po povodu otkrytiya komitetov dlya peresmotra polozhenii v kazach'ikh voiskakh [About the Opening of Committees for the Revision of Provisions in the Cossack Hosts]. *Voennyi Sbornik*. 1861. № 1. pp. 201-210 [in Russian]
Stoletie..., 1902 – Stoletie Voennogo ministerstva 1802-1902 [Century of the Ministry of War of 1802-1902]. T.11. Ch.1. SPb., 1902. P. 973. [in Russian]
Stoletie..., 1907 – Stoletie Voennogo ministerstva 1802-1902 [Century of the Ministry of War of 1802-1902]. T.11. Ch.3. SPb., 1907. P. 695. [in Russian]
Stoletie..., 1911 – Stoletie Voennogo ministerstva 1802-1902 [Century of the Ministry of War of 1802-1902]. T.11. Ch.4. SPb., 1911. P. 462. [in Russian]

Tikidzh'yan, 2014 – *Tikidzh'yan R.G.* (2014). Donskoi kodifikatsionnyi komitet [The Don Codification Committee]. Donskoi vremennik. Is. 23. pp. 95-98. [in Russian]

Volvenko, 2008 – *Volvenko A.A.* (2008). Pravitel'stvennaya politika, mestnaya vlast' i zemskaya reforma v Oblasti voiska Donskogo (1864–1882 gg.) [Government Policy, Local Government and Reform of Zemstvo in the Don Host Oblast (1864–1882)]. *Kazachestvo Rossii: proshloe i nastoyashchee*. Sbornik nauchnykh statei. Vyp. 2. Rostov-na-Donu. pp. 196-213. [in Russian]

Volvenko, 2014 – *Volvenko A.A.* (2014). Donskoe kazachestvo v pravitel'stvennoi politike epokhi «velikikh reform» (1860-1870-e gody) [The Don Cossacks in the governmental policy at the era of "great reforms" (1860-1870s)]. *Izvestiya Samarskogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk*. Vol. 16. Is. 3. pp. 12-20. [in Russian]

Volvenko, 2015 – *Volvenko A.A.* (2015). Chebotarev A.P. – "the Grey Cardinal" of Cossack Reforms of the Epoch of Liberation? *History and Historians in the Context of the Time*. Vol. 15. Is. 2. pp. 106-114 [in Russian]

Volvenko, 2016 – *Volvenko A.A.* (2016). Konceptsiya vojskovogo (nesluzhilogo) grazhdanina: zamysly i praktika (1860–1870-ye gg.) [Concept of the army (nesluzhilogo) citizen: plan and practice (1860–1870s)]. *Primo Aspectu*. № 4 (28). pp. 68-71. [in Russian]

Выбор пути в будущее: к истории Донского и Оренбургского казачьих войск как полигонов для военно-экономических реформ в 1860–1870 гг.

Артем Юрьевич Перетяtko ^{a, b, *}

^a Южный федеральный университет, Российская Федерация

^b Восточно-европейское историческое общество, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена малоизученному в российской историографии вопросу об альтернативных путях развития казачества в середине XIX в. При изучении этого вопроса используются малоизвестные архивные материалы из отдела рукописей Российской национальной библиотеки и Российского государственного исторического архива, часть из которых вовлекается в научный оборот впервые. Автор приходит к выводу, что в 1860 гг. Оренбургское войско стало «полигоном для реформ» потому, что местная элита поддержала умеренные преобразования, опасаясь, что в ином случае правительство может начать полную ликвидацию данного казачьего войска (призывы к этому, действительно, звучали). Однако к середине 1870 гг. стало ясно, что данные реформы, в основу которых легла конскрипционная система службы, не оправдали ожиданий. В этих условиях Военное министерство обратилось к опыту нелояльного Донского войска, дав представителям его элиты разработать альтернативный проект военной службы казачества, основанный на традиционной поголовной военной службе казаков. Этот проект был поддержан атаманами кавказских казачьих войск и командующим Оренбургским военным округом, что и предопределило его победу. Однако десятилетие спустя выяснилось, что и «оренбургский», и «донской» варианты реформ имели общий недостаток: на казачьи хозяйства возлагался слишком тяжелый экономический пресс.

Ключевые слова: Оренбургское казачье войско, Донское казачье войско, реформы казачества 1860–1870 гг., конскрипционная система, Н.И. Краснов, Н.А. Маслаковец, П.В. Зворыкин.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ArtPeretatko@yandex.ru (А.Ю. Перетяtko)